

РЫЖИЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сергей Котов

Сергей Котов

Рыжий. Сборник рассказов

<https://litres.ru/74199504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Котёнку было четыре месяца, когда его нашли в грузовом отсеке десантного крейсера «Гневливый» — на корабле, где служат только боевые псы. Он весил меньше стандартного пайка и не мог разгрызть сухарь. Но иногда достаточно оказаться в нужном месте в нужное время.

Цикл из пяти рассказов о службе, дружбе, потерях и о том, что важно не то, сколько ты вешишь, а то, где ты стоишь.

Содержание

I. Рыжий	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Котов

Рыжий. Сборник рассказов

Цикл рассказов

I. Рыжий

Люди спрашивают меня, как это было. Обычно в барах, обычно после третьей рюмки, обычно с такой улыбкой, будто ждут байку. Что-нибудь смешное. Что-нибудь лёгкое про котёнка-космодесантника.

Хорошо. Я расскажу. Но не жди, что будет смешно.

* * *

Мне было четыре месяца, когда это началось.

Четыре месяца. Когти ещё толком не оформились, молочные зубы — одни пеньки, уши торчали в разные стороны, а хвост был длиннее, чем всё остальное тело. Рыжий, как ржавчина на старой броне. Весил я, наверное, меньше стандартного боевого пайка.

Как я попал на борт десантного крейсера «Гневливый» —

отдельная история, и, честно говоря, я её сам толком не помню. Что-то про грузовой отсек, что-то про контейнер с припасами, который грузили в спешке на орбитальной станции Церера-9. Помню тепло между ящиками. Помню, как хотелось есть. Помню, как пол вдруг задрожал, и я понял, что мы летим. Знаю только, что когда меня нашли — на третьей сутки, во время планового обхода, — я сидел на ящике с плазменными зарядами и умывался.

Нашёл меня Рекс.

Сержант Рекс — ротвейлер, сто десять килограммов чистой злобы, шрам через всю морду, левое ухо наполовину оторвано ещё в той заварушке на Кеплере-22. Рекс прошёл через такое, от чего у нормальных существ опускаются лапы. Он был командиром третьего штурмового отделения: семь псов, боевые породы, каждый стоил в бою больше, чем взвод обычных солдат.

Рекс посмотрел на меня. Я посмотрел на Рекса.

Он сказал: «Какого чёрта».

Я мяукнул.

Должен пояснить: на «Гневливом» служили псы. Это была, если можно так выразиться, традиция. Космический Десантный Корпус формировался из бойцовских пород — ротвейлеры, питбули, бультерьеры, доберманы, кане-корсо. Плотные, тяжёлые, с челюстями, способными перегрызть броневой кабель. Каждый проходил модификацию: усилители мышц, армированные кости, имплантированная броня,

боевые нейроинтерфейсы. Они были машинами для войны. Я был котёнком.

Рекс хотел вышвырнуть меня в ближайшем порту. Он так и сказал — «в ближайшем порту, и точка». Но ближайший порт был через шесть недель пустоты, а выбрасывать живое существо в шлюз даже у десанта не принято. Есть вещи, которые не делают. Даже машины для войны знают, какие.

Псы смотрели на меня, как на недоразумение. Кто-то погладил — не из нежности, а потому что я был тёплый, а в офицерской рубке всегда было холодно: система терморегуляции на «Гневливом» была старше половины экипажа.

Меня звали по-разному. «Рыжий». «Клоп». «Брак грузового отсека». Буль — огромный питбуль с плечами шире дверного проёма — называл меня «ошибкой эволюции». Он говорил это каждый раз, когда я проходил мимо, и каждый раз с таким удовольствием, будто придумал только что. Доберман Клинт, худой и жилистый, с глазами, в которых всегда было что-то безумное, просто игнорировал. Молчал. Смотрел сквозь. За полгода он сказал при мне, кажется, четыре слова, и два из них были «подвинься».

Но кормили. Это да. Кормили.

Кок — старый буфетьер по кличке Борщ, списанный из строевых после Тритона, — выделил мне миску. Настоящую, металлическую, с выбитым номером отделения. Сказал: «Раз жрёт из миски третьего — значит, третьего и есть». Логика у Борща была простая, как его меню.

Я ел свой паёк, спал на тёплых трубах в машинном отделении и рос. Рос, впрочем, незначительно. В тридцать недель, когда обычные щенки уже всюю тренировались в рукопашной, я весил два с половиной килограмма и всё ещё не мог разгрызть сухарь.

Тренировки? Меня не допускали. Устав Корпуса вообще не предусматривал моего существования: в графе «вид» стандартной анкеты было два варианта, и «кот» среди них не значился. Рекс, правда, разрешил присутствовать на полигоне — не из доброты, а потому что я попросту везде ходил за ним. Привязался, что ли. Не знаю почему. Может, потому что он первым меня нашёл. Может, потому что от него пахло порохом и чем-то надёжным.

Так я и сидел на краю тренировочной площадки, болтая хвостом, пока псы отрабатывали штурмовые построения. Десять бойцов. Две секции. Тяжёлая броня, тяжёлое оружие, тяжёлые судьбы. Каждый из них — ветеран. Каждый мог убить голыми лапами.

А я ловил мух.

Хотя нет. Не только.

Я смотрел. Вот чего никто не понимал тогда — я смотрел. Я запомнил все их построения. Я знал, что Буль всегда встанёт в дверях, потому что с его плечами двери — это его личная крепость. Я знал, что Клинт бьёт короткими очередями и никогда не тратит больше трети заряда до перегруппировки. Я знал, что Рекс перед командой «вперёд» на полсекун-

ды опускает голову — всегда, каждый раз, как будто что-то взвешивает.

Я был маленький. Маленьким остаётся только смотреть. И я посмотрелся на десять жизней вперёд.

Однажды — это было на четвёртой неделе полёта — Рекс застал меня ночью на полигоне. Я ходил по разметке штурмового коридора. Просто ходил, лапа за лапой, повторяя маршрут второй секции: укрытие, перебежка, укрытие, сектор обстрела.

Рекс стоял в проходе и смотрел. Долго. Потом сказал:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Нет, — честно мяукнул я.

— Вот и я нет, — сказал Рекс и ушёл.

Но с той ночи он перестал прогонять меня с брифингов.

* * *

Высадка на Гексапод-7 была назначена на 04:00 по бортовому времени.

Я помню эту ночь. Корабль вибрировал, двигатели выходили на боевую тягу. Псы молчали — перед высадкой они всегда молчали. Каждый по-своему. Рекс сидел в кресле, закрыв глаза, положив лапы на подлокотники. Буль точил когти — привычка, от которой он не мог избавиться, хотя когти

у него были из карбидного сплава и в заточке не нуждались. Клинт стоял у иллюминатора и смотрел в черноту. Двое новичков — Гром и Кастор — переглядывались. Это был их первый настоящий бой.

Я сидел под сиденьем Рекса. Мёрз. И, если честно, боялся. Но не так, как они. Они боялись за других — каждый из них командир, каждый отвечает за тех, кто рядом. Я боялся за себя, потому что был маленький и не понимал, что происходит.

Брифинг был прост. Колония на Гексаподе-7. Шахты. Ру-да, которая нужна Корпусу. Колония не отвечала на сигналы уже четыре недели. Последнее сообщение — обрывки криков, звуки стрельбы и слово, которого никто не разобрал. Потом тишина.

Разведка дронами показала: что-то двигалось по поверхности. Что-то крупное. Много чего-то крупного. Три дрона из пяти не вернулись — и это, пожалуй, говорило больше, чем записи двух вернувшихся.

Мы шли на штурм.

* * *

Атмосфера на Гексаподе-7 была годная — дышать можно без скафандров, только фильтр на морду. Гравитация чуть

выше нормы. Для псов с их армированными костями — ерунда. Для меня — я сразу почувствовал, что лапы стали тяжелее, будто к каждой привязали по гайке.

Высадили нас челноком на плато, в двух километрах от колонии. Было темно — местная звезда светила тускло, и небо цвета мокрого асфальта давило сверху. Ветер нёс пыль и запах, которого я раньше не знал. Резкий, кислый, как будто гниль смешали с аммиаком. Шерсть на загривке у меня встала сама собой — тело поняло раньше головы.

Рекс построил отделение. Ровно, как на плацу. Семь псов в боевой броне, с плазмаганами и тяжёлыми когтями-имплантами.

— Рыжий, — сказал Рекс, не оборачиваясь. — Ты остаёшься здесь. Слышишь? С челнока не двигаться.

Я кивнул.

Он посмотрел на меня. Что-то мелькнуло в его глазах — не знаю, что. Может, сожаление. Может, что-то другое. Потом отвернулся.

— Отделение, — сказал он. И на полсекунды опустил голову. — Вперёд.

Они ушли в темноту. Громыхала броня, пахло озоном от заряженных орудий. Скоро шаги стихли.

Я остался.

И, конечно, я не остался.

Я маленький. Это мой главный недостаток и, как выяснилось, моё единственное преимущество.

Я выскользнул из челнока через технический люк снизу — псы входили через верхний, и никто не подумал запереть нижний. Зачем? Кому придёт в голову проверять лаз шириной в две ладони?

Я побежал следом. Нет — не побежал. Я пошёл. Тихо, по-кошачьи. Прижимаясь к камням, используя каждую тень. Псы шли прямой колонной — им было всё равно, их броня держала. А я шёл параллельно, метрах в тридцати правее, за россыпью валунов, и пыль под моими лапами не издавала ни звука.

Я увидел колонию, когда они подошли к периметру. Стандартные модульные здания, ангары, вышки связи. Всё тёмное. Всё мёртвое. Ни одного огня, ни одного сигнала — только ветер гонял по улицам обрывок брезента, и этот звук был единственным живым во всём посёлке.

И я увидел их.

Твари. Потом их называли «сколопендрами» — за сходство с теми древними земными насекомыми. Но это неточно. Сколопендра — это что-то маленькое, ползающее в листе. А эти были размером с бронетранспортёр. Многоногие,

бронированные, с жвалами, способными перекусить стальную балку. Хитин у них был тёмный, матовый, и в скудном свете они казались просто движущимися кусками темноты.

И они были везде.

Они вылезали из-под земли. Из шахт, из трещин, из-под каждого здания. Десятки. Сотни. Они двигались быстро — чудовищно быстро для своего размера — и почти бесшумно. Их заметили, когда стало поздно.

Первым пал Гром. Новичок. Он не успел повернуться — тварь вышла из-под ангара прямо под ним, и земля просто ушла вниз. Я слышал крик, потом треск брони, потом — ничего.

Кастор открыл огонь. Плазма — это красиво, когда стреляешь в темноту. Голубые вспышки, рёв разогретого воздуха — и твари горели, хитин лопался с сухим треском. Но их было слишком много. Буль встал в дверях ангара — он всегда хотел стоять в дверях — и бил из тяжёлого плазмагана, и перед ним росла гора дымящихся панцирей, пока одна из тварей не зашла сбоку, проломив стену. Его отбросило метров на пять. Броня выдержала, но он упал, и на него тут же навалились две.

Рекс командовал. Голос — ровный, спокойный, как на полигоне. Перегруппировка. Занять оборону. Огневой периметр. Вытащить Буля. Клинт залёг за генератором и бил короткими очередями, экономя заряд — треть, перегруппировка, треть, перегруппировка, — и каждая очередь находи-

ла сочленения между пластинами хитина. Тайгер и Волч отесняли тварей с флангов, работая парой, спина к спине.

Они дрались так, как умеет драться только десант. Это было страшно и красиво.

Но их было слишком много. И они продолжали лезть из-под земли.

Я был на холме, метрах в пятидесяти, за камнями. Меня никто не видел. Меня никто и не искал. Я был маленьким, рыжим, бесполезным котёнком, который должен был сидеть в челноке.

Но я видел то, чего не видели они.

С холма видно больше, чем из огневого периметра. Я видел вход в шахту. Главный ствол. Он был в центре колонии, и из него, как из раны, лезли твари. Поток. Непрерывный. Псы жгли их десятками, но на место каждой сожжённой вставляли три новые, и я вдруг понял простую, холодную вещь: они не остановятся. Пока открыт ствол, они будут идти. Это не бой. Это арифметика. И арифметика была против нас.

Около ствола тварей не было. Все, кто выбрался, ползли туда, где стреляли. Вход был открыт. Незащищённый. До него было метров триста — через всю колонию.

Я вспомнил разметку штурмового коридора. Укрытие, перебежка, укрытие.

Я побежал.

Гравитация давила. Камни резали подушечки лап. Я был маленький, лёгкий, и мне было страшно так, как не было

страшно ни до, ни после. Я бежал прямо через колонию — от контейнера к контейнеру, от тени к тени, — мимо тёмных зданий, мимо тел... боже, тела... мимо запаха крови и той кислой вони, от которой слезились глаза.

Один раз тварь прошла в трёх метрах от меня. Я вжался в щель под опрокинутым погрузчиком и перестал дышать. Она была огромная — сегменты панциря скрипели друг о друга, сотни ног стучали по бетону, как дождь по жести. Она не заметила меня. Я был слишком мал, чтобы быть едой. Слишком мал, чтобы быть угрозой.

Слишком мал. Всю жизнь это было приговором. В ту ночь это стало пропуском.

Я добежал до ствола. Внутри — чернота, и оттуда шёл звук. Шелест. Тысячи ног по камню, снизу, из глубины, всё ближе.

В стволе была система аварийного запирания. Стандартная конструкция — тяжёлые плазменные заслонки, которые опускаются при обрушении. Псы не могли до них добраться: бой шёл на другом конце колонии, и твари перекрыли путь. Но я был уже там.

Проблема была в том, что пульт управления висел на стене. Высоко. Для пса — на уровне груди. Для меня — как третий этаж.

Я прыгнул. Раз — промахнулся. Два — когти скользнули по гладкому металлу, и я сорвался, ударившись боком о камень. Шелест из ствола стал громче. Три — я вцепился в

кромку панели, повис, подтянулся, ободрав лапы до крови, и зубами — молочными, дурацкими, слабыми зубами — дёрнул рычаг.

Не получилось. Рычаг был рассчитан на лапу в броневой перчатке.

Тогда я упёрся задними лапами в стену, передними — в рычаг, и стал давить. Давил всем своим весом — двумя с половиной килограммами рыжего кошачьего упрямства. В глазах темнело. Из ствола уже тянуло тёплым воздухом — они были близко.

Рычаг лязгнул.

Заслонки пошли вниз. Тяжёлые, со скрежетом, отрезая ствол от поверхности. Я слышал, как внизу что-то забилося, завизжало — твари, которые были на подходе, оказались заперты в собственной норе. Заслонки сомкнулись с гулом, от которого дрогнула земля.

Поток прекратился.

Псы добили остатки. Это было жестоко и недолго. Без пополнения твари дрогнули — и были перебиты, до последней.

* * *

Рекс нашёл меня у ствола. Я сидел на заслонке, весь в пыли, дрожал и зализывал содранные лапы.

Он стоял надо мной. Огромный. В разбитой броне, с кровью — чужой и своей — на морде. За ним — остальные. Буль, хромая, с вмятиной в нагруднике размером с мою голову. Клинт, с разодранным наплечником. Тайгер, Волч. Все, кто остался. Все — в шрамах, все — на ногах.

Рекс смотрел на меня долго. Потом сказал:
— Ты закрыл ствол.

Я не ответил. У меня не было голоса — сорвал где-то по дороге, сам не заметил. Я просто мяукнул. Тихо, хрипло.

Буль — тот самый Буль, который звал меня ошибкой эволюции, — сел рядом и осторожно, одним когтем, коснулся моей спины.

— Беру свои слова обратно, — сказал он. — Эволюция знала, что делала.

Клинт кивнул. Один раз. Для Клинта это было равнозначно речи.

Рекс снял с себя боевой знак — металлическую пластину с номером отделения — и положил передо мной. Пластина была больше меня раза в полтора.

— Отделение, смирно, — сказал он. Броня грохнула — шестеро встали по стойке. — Этот котёнок — боец моего отделения. У кого есть возражения, может высказать их мне лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.